

Е

С

по т

Ева Кан

Связь: по ту сторону

«ИП Стрельбицкий»

Кан Е.

Связь: по ту сторону / Е. Кан — «ИП Стрельбицкий»,

Было у вас когда-нибудь такое чувство, что будто висишь над пропастью на одних кончиках пальцев, силы уже кончаются и ты вот-вот упадешь? И думаешь, как же ты дошел до жизни такой, все же было хорошо... Друзья-знакомые ходят мимо и не видят, что ты висишь! Над пропастью! И вот-вот сорвешься. Нет, есть, конечно, близкие друзья, которые пытаются тебя вытянуть за шкурку, дают «ЦУ» как надо висеть, чтобы руки не так сильно уставали... Вот так и висишь как идиот, с мыслью, когда же это все закончится, пока однажды мимо не пройдет человек, который просто увидит, что еще чуть-чуть и ты разобьешься, подойдет и без ненужных вопросов и лишних слов просто выдернет тебя из всего этого так, что ты еще и взлетишь на пять метров над землей, да так и остаешься парить. Причем не в одиночестве, а с ним. И смотришь на свою пропасть сверху вниз и думаешь, господи, как же ты все это выдержал. А потом эта пропасть и вовсе испаряется и остаются только облака и его улыбка, от которой становится каждый раз так тепло на душе... У нее – моральные принципы, но бардак в голове. У него – моральные принципы, порядок и семья. У нее – желание вернуть прошлое, которое вернуть невозможно, а настоящее и будущее все ускользают. У него – страх, что прошлое повторится. Смешная со вкусом романтики и грусти история об этих четверых идиотах и остальных, которые все запутали еще больше.

© Кан Е.
© ИП Стрельбицкий

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Ева Кан

Связь: по ту сторону

В этой книге все события и герои выдуманы, а любые совпадения случайны.

Выражаю благодарность своим подругам Еве и Свете за то, что я так много улыбаюсь и смеюсь. За их веру в меня и просто за то, что они есть.

Александра

Сажу на берегу, рисую пером и тушью чернеющее небо. Кружатся чайки над самой водой. Густые облака вот-вот прольются, а солнце еще не успело сбежать с неба. Рядом тот, к кому дико тянет, но с кем быть нельзя. Вдруг чувствуем капли на лице и плечах, бросаемся к перевернутой лодке, от дождя прячемся. Волны шумят, и слова, от которых совсем едет крыша, едва слышны. Разум вместе с питерской жизнью разлетается на куски, будто можно задержать курортный городок навсегда. Чувствую его совсем близко... Но остатки совести заставляют вскочить и бежать. Бежать, несмотря на грозу. Бежать больше от себя, чем от него. Бежать, забыв часть вещей. Но вещи не важны. Важны люди.

...Пузатый автобус увозит прочь от того, с кем счастливой могла бы быть(?). Смотрю в окно, стараюсь его разглядеть вдалеке, но дорога уже давно пуста. Трогают за плечо. Оборачиваюсь, почему-то надеюсь, что это он. Достāju из промокнушей сумки влажную гривну и мелочь. Комкаю серый билетик.

Время до отъезда пролетает быстро, как выходные. Он не звонит. И я не звоню.

И вот мне пора возвращаться домой. В город, где лето бывает только в рабочие дни.

В чемодане осколок неслучившегося романа с Олегом: этот рисунок тушью, расплывшийся от капель дождя. Хочется все бросить и остаться, но что-то зовет домой, будто я именно сейчас очень нужна там. И Артем... неужели все было зря?

...Поезд замедляет ход. Минута до встречи. Не представляю, как теперь, после всего, что было с Олегом и чего еще хотелось, смотреть в глаза Артему. Почему все так сложно? Почему нельзя просто любить без памяти одного человека, и чтобы он тебя – тоже? На перрон выхожу, в капюшон прячусь от ветра и мороси, в которой нет и капли романтики. И Артема нет. Обещал встретить. Телефон выключен. Странно. Плетусь на вокзал, покупаю в автомате ванильный капучино «без сахара», но все равно с сахаром. Время ползет черепахой, жду открытия метро...

11:17. Я дома. Его телефон все еще выключен. Пасмурно, тонкие полоски капель стекают по стеклу. Нужно полить кактус. Родители на даче. Поднимаюсь с постели. На душе противно, как за окном. Звоню его другу. Он любезен, где Артем, он не знает. А в голосе, между слов, – что-то неуловимое, но вызывающее ощущение ужаса. Забываю положить трубку и слышу обрывок разговора, женский голос: «Зайчик, а кто это был? – Подружка Артема (смех), – Что?! – А ты думала, что... блин!». Гудки. Продолжение фразы вспыхивает в голове. Надеваю первое попавшееся платье, хватаю сумку, выбегаю из квартиры. Кактус полью потом.

Артем

За два дня до этого

*Мальчик-красавчик на папиной машине
Быстро едет по проспектам городов счастливых¹*

Пятница. Вечер. Модная музычка оглушает улицу, дома искажаются в зеркальных очочках, прохожие исправно поворачивают головы, друг на друга натываются. Вишневый кабриолет «бентли» сверкает под вечерними лучами редкого гостя северной Пальмиры. Парень за рулем снисходительно улыбается своей непревзойденной крутости, подпевает солисту и покуривает сигаретку с ментолом. Слегка длинные осветленные волосы в геле зачесаны назад. Смазливое личико изъязнов не имеет. Соседнее место пока пустует. Он предвкушает события сегодняшнего вечера – так не похожего на все, что он когда-либо видел и ощущал в свои двадцать два. К счастью, он даже не представляет, насколько прав.

Сладкая парочка на заднем сидении наслаждается клубничным сиропом и сливками блестящей жизни. Французский педикюр, километровые каблучки. Ногти на руках украшены бабочками и сердечками со стразами; ноги от затылка, бирюзовая юбочка известной марки едва скрывает черное кружевное белье. Ровный персиковый загар, PH=5.5 Волосы цвета 9.3 – Light Golden Blonde, серые тени с блестками, белая мини-маечка за 199.99 евро. На пальцах – выставка ювелирных украшений. Глаза томно закрыты... Маленькая белая сумочка валяется рядом. Духи сводят с ума. Рядом с девушкой, а точнее, на, – обаятельный брюнет, практически Гарсиа Берналь.

Коньяк, импортное пиво, дорогие закуски в пакете и две пустые бутылки на полу тачки – золотая молодежь к вечеринке готова. Осталось лишь забрать по пути «входной билетик».

«Входной билетик» – короткие каштановые волосы торчат во все стороны, сережек больше в левом ухе. Футболка с самодельной абстракцией, пирсинг на пупке, длинная льняная юбка, потрепанные сандалии и множество фенечек, в том числе на щиколотках. Она садится рядом с водителем и резко захлопывает дверцу, отчего парень на заднем сидении хмурит брови, отвлекаясь от своей Голден Блонд.

– Привет, я – Лиза, – протягивает ему руку девушка.

– Очень приятно. Я Артем, – парень с заднего сидения, удивленно пожимая ее руку. – Слушай, а там все в таком прикиде будут? Боюсь, мы фейс-контроль не пройдем, – смеется.

– А меня ты представить не желаешь? – Голден Блонд 9.3, капризно, поправляя юбку.

– А это Ксю, – Артем, злорадно улыбаясь.

– Ксюша, придурок!

– Очень приятно, – Лиза.

– Это не надолго, – Артем. – А вот – Рома, мой водитель.

– Врет, собака. Просто я любезно согласился подвести этих дармоедов.

– Поехали, дорогой, – улыбается Артем.

– А ты, Лиза, значит, художница...

¹ Из песни Ёлки.

...Обрывки смеха все пытались заглушить музыку, набережные и мосты скакали мимо, солнце гасло, с бутылок весело слетали пробки... вскоре подъехали к дому на какой-то там линии Васильевского острова. Оставили папино чудо авто-промышленности во дворе и направились в благоустроенную парадную с обшарпанными стенами, полумраком и общественным туалетом для тупых. Седьмой этаж. Дверь, обитая черным дерматином, с надписью «С Новым Годом!» Двадцать третье августа. Открывает босоногая девушка вечно лет двадцати шести на вид в алом платье с подолом из лоскутков разной длины. Запах шоколада, кофе, сигарет и ароматических палочек набрасывается с порога и вступает в спор с духами Ксю.

Это же время. Дом в нескольких кварталах отсюда. Девушка в халате с растрепанными длинными волосами ходит по кухне кругами и курит, стряхивает пепел в переполненную пепельницу. Она говорит по телефону, плачет и кричит. У нее трясутся руки, и пепел падает на стол, на пол.

—Я больше не могу, у меня депрессия, ломка у меня, понимаешь?! Ничего ты не понимаешь, у тебя такого не было! Ты счастливая святоша – на таблетках не сидишь и не выпиваешь даже! А я – дура! Обратилась к психиатру после того случая, и прописали это ... лекарство. А теперь с него не слезть уже год. Если бы знала, ни за что бы не пошла туда. А сейчас уже ничего не поделаешь... Да не помогут твои витамины! Ничего не поможет! – кладет трубку, плачет, положив голову на стол. На телефон приходит смс, девушка читает: «Я приеду завтра утром. Я знаю, как тебе помочь. Просто подожди до утра, не вздумай ничего делать». Она выключает телефон. Подходит к шкафчику, достает таблетки, высыпает горсть в ладонь и запивает водой.

На вечеринке

В гостиной звучит рояль, и кто-то танцует что-то странное. Кто-то сидит в позе лотоса на ковре среди плавающих свечей. Любителя рояля сменяет хиппи с флейтой. Артем со своей подружкой и Ромой с бокалами, горячим шоколадом в мисках и интересом к такому занятию слоняются по всем пяти комнатам, с трудом пробираясь между болтающими в узком коридоре.

Еле слышен звук колокольчика. Затем – оживленные возгласы в прихожей. Волна радости затрагивает все комнаты, народ начинает стекаться в гостиную. Плавающие свечи ставят так, чтобы образовался широкий круг в центре, а все рассаживаются около стен. Становится тесно. Под шум аплодисментов и женский визг из коридора заглядывает парнишка лет двадцати, показывает «пис», широко улыбается.

- Привет всем! Я сейчас! – и снова исчезает в недрах коридора.
- Он прелесть!
- Обожаю!
- Гений!

Восторженные крики и овации опять заглушают гомон болтовни – возвращается Марк. Среднего роста, немного худощав. Белая футболка подчеркивает загар. Черные узкие брюки. Темно-коричневый браслет из дерева на правой руке. Коротко стриженные каштановые волосы. Глаза цвета меда. Лицо, которое, однажды увидев, невозможно забыть, да и не хочется. Он всем улыбается, подмигивает знакомым. Девушка с русыми распущенными волосами, в длинном платье цвета кофе с молоком, проходит и садится по-турецки в пер-

вом ряду возле импровизированной сцены. Шум стихает. И слышно, как на кухне капает из крана.

Ритм Dubstep и Muse врывается в полутемное пространство, заполняет щели под шкафами и креслами, прячется в ворсинках ковра, отражается от стен и бокалов, добавляет к жизни новый параллельный смысл. Десятки глаз следят за движениями от ладоней до кончиков босых стоп. Стильный силуэт мечется, множится тенями на плоскостях. Он будто делает мелодию видимой, осязаемой. Ритм – объемным. Парень у окна забыл про свои четки. Ксюша – про Артема. Стынет шоколад. Вино стоит нетронутым. Пепел падает на пол... И кажется, что ты тоже все можешь. Мечты вот-вот коснутся реальности. И хочется так рисовать, как он танцует. Так петь. Или так жить.

...Робкий сумрачный свет крадется по комнате. Затушены свечи. Кто-то спит. Кто-то уехал. Марк сидит в кресле у окна, обнимает девушку с русыми волосами в платье цвета кофе с молоком, сидящую у него на коленях. Хозяйка Дина, Артем, Ромео, Лиза и Евгения Вебер расположились рядом – кто в креслах, кто на полу. Голоса приглушенны. Разговор ленив. Вдруг картинка меняется: все встают и начинают пробираться в коридор – поступило предложение переместиться на крышу, заглянув сначала на кухню в поисках чего-нибудь интересного. Из интересного находят: чай «яблоко с корицей»; остатки колбасы, сыр весь в дырах, два помидора и хлеб, из чего Дина быстро ваяет горячие бутерброды.

– Кому взять? – Рома, доставая из холодильника пиво.

– Мы не пьем, спасибо – Марк с Кристиной произносят хором, смотрят друг на друга и хохочут.

– Мне возьми, – Артем.

Дом в нескольких кварталах отсюда. Кухня. Девушка в ночной рубашке возле распахнутой дверцы шкафа открывает баночку с антидепрессантом и видит, что она пуста. Она нервно ищет еще баночки, роняет часть других лекарств, ничего не находит. Смотрит на часы: 5:08.

На вечеринке

Открывают окно в кухне и оказываются на крыше. Забираются повыше, на крышу соседнего дома, откуда еще сонный город кажется особенно чудесным. Садятся на наклонной плоскости, упираясь ногами в ограждение. Косые утренние лучи скользят по железу, бросая тени от решеток по краю.

– Божественно, – Дина, улыбаясь. Ветер треплет подол из лоскутков ее алого платья по колено. – Жаль, что Валерии с нами нет.

– А она сейчас на Алтае, у нее там горы... – Женя, мечтательно.

– Она одна что ли поехала? – Дина.

– Да.

—?

– Это ж Валери...

– Ах, да... а Сашка?

– На Азовском море, в Бердянске.

Здесь Артем начинает кашлять, поперхнувшись бутербродом. Рома хлопает его по спине и даже не пытается скрыть смех. Разговор продолжается.

– Странно.

—?

– Я слышала, у нее парень какой-то очень богатый, чуть ли не на «бентли» катается... – Дина, задумчиво.

– Так она же тоже одна поехала, – смеется Женя.

«Палево! – в шоке думает Артем, запивая мысли пивом. – Не стоило тащить сюда Ксю. Да и толку с нее, напилась и дрыхнет как тюлень. Блондинка. А, может, обойдется...»

Рома наслаждается пивом и карикатурностью происходящего, когда Артем притащил одну свою подружку в компанию второй в ее отсутствие.

– Да, Темыч, почему твоя девушка сейчас одна? – громко интересуется он у друга, широко улыбаясь. Тот отвечает злым взглядом.

– Извините, что мы тут про незнакомых вам людей болтаем, – Дина к Артему с Ромой. – Просто хорошие они очень, а вы еще приходите, я вас познакомлю.

– Да, все нормально, мы непременно придем. Обязательно! Правда, Темыч? – вставляет Рома, когда Артем уже собрался было отнекиваться непомерной занятостью на работе, которой у него с роду не было – ни занятости, ни работы.

– Ну да... а когда следующая вечеринка? – старательно улыбается Артем.

– Ой, да все так спонтанно получается, под настроение, но я сообщу через Лизу.

Марк шепчет что-то своей девушке, показывая на озеро и горы из облаков вдалеке, она отвечает ему, они улыбаются и будто совершенно одни здесь.

– Марк, а что ты чувствуешь, когда танцуешь? – спрашивает Лиза, и вокруг вдруг появляется целая компания: два мальчика-мажора, одетых стильно, но уж больно похоже. Худенькая студентка, кажется, с дизайна, – брюнетка с пышными стриженными волосами в милом джинсовом комбинезоне и зеленой футболке со Снусмумриком², Женя Вебер. Фамилия как-то сама по себе прилипла к имени, и когда ее знакомят или вспоминают, всегда говорят: Женя Вебер. Лиза, учится на модельера. И эффектная рыжеволосая Дина, архитектор... Ночью были еще ребята с Консерватории, один из хора Мариинки, барабанщик из Зимбабве... да кого только не было...

– Когда танцую, чувствую, что люблю Кристину, – улыбается Марк, обнимая сияющую девушку. – А еще... восхищение миром. Свободу. Знаешь, ты просто становишься музыкой... можешь выразить то, какой ты на самом деле. Понимаешь, не кто ты в обычной жизни в материальном мире, а кто ты – в духовном плане. Стать чем-то большим, чем твое тело. И окружающие видят это, им нравится, и ты чувствуешь огромное счастье.

Солнечные лучи скользят над крышами. Мальчики-мажоры надевают зеркальные очки.

– Да, танцуешь ты божественно. А как к наркотикам относишься? – интересуется Рома.

– Отрицательно. Не пробовал и не собираюсь.

– Понятно. Нет, ты прав в чем-то. Просто меня поражает, как можно относиться сразу отрицательно, если сам не пробовал...

– Ну, мне же не обязательно прыгать вот с этой с крыши, чтобы знать, что я разобьюсь.

– Конечно, но тут ведь совсем другое дело...

– Понимаешь, Ром, мне нравится жизнь. Нравится ощущать ее самому, напрямую, а не через призму химии. Общаться легко, потому что я сам могу это делать, а если не могу – научиться, а не довольствоваться временным суррогатом общения, находясь, по сути, вне реальности. Мне нравится быть таким, каким я хочу, а не лишь казаться таким самому себе. Восхищаться красотой, смеяться, потому что я сам могу видеть что-то смешным или красивым, а не потому, что мне это навязано. Нравится добиваться чего-то стоящего, несмотря на то, что это кажется невозможным, и радоваться каждому маленькому успеху, хоть это и

² Снусмумрик – лучший друг Мумми-троля из книг финской писательницы Туве Янссон

сложнее, чем принять яркую пиллюлю. Люблю быть хозяином жизни, а не зависимым придурком, – солнце отражается в его золотистых глазах, Кристина улыбается.

– Марк прав, я тоже так считаю! Молодец! – Лиза горячо пожимает ему руку. – А еще, включишь рок на полную, залезешь на подоконник в дождь и рисуешь, рисуешь, не включая свет, пока совсем не стемнеет...

– Или на даче заберешься в гамак с любимой книгой – телепорт в новый мир, в качестве любого героя или кого-то вроде Бога, – тихий голос Кристины, девушки Марка, скользит по крышам, спускается по водосточным трубам, путается в проводах и антеннах.

– Да... или садишься на мотоцикл и мчишься по Гранд Каньону, – продолжает Дина.

– Или в кругу друзей, сидя на ковре в полумраке среди свечей, смотришь, как танцует Марк, – озвучивает Женя Вебер общую мысль...

Артем отсутствует. Блуждает в лихорадке вопросов: «Откуда еще взялась эта Женя Вебер? Почему мне о ней ничего не известно, раз они подруги с Сашкой? И что теперь делать с Женей? Может, денег ей дать? А если не возьмет – еще хуже получится. Или выложат фотки в Контакт, где у меня Ксю на коленях и рожа такая у нее довольная... или где целуемся... А может, обойдется? Ну, пока она на юге, можно не беспокоиться – в этой дыре нет интернета, живет там где-то в частном секторе... а приедет она... когда же она приедет? Дома где-то записано было...»

– А, вот вы где! А я вдруг проснулась и давай тебя искать, ну и парень такой волосатый, не помню, как его, сказал, раз в квартире нет, значит, на крыше, – Ксю, размахивая руками с сумочкой на правом запястье, балансирует на своих каблуках, еле передвигаясь по наклонной плоскости ржавой крыши. Всем обликом она изрядно смахивает на куклу Барби. Артем, изображая радость, поднимается ей навстречу и помогает дойти до места дислокации. Голден Блонд долго меняет позы, не зная, как устроиться поудобнее в мини-юбочке, наконец, присаживается на трубу рядом, радуясь чудесной находке. Смотреться она должна чрезвычайно эффектно. И Марк просто обязан это заметить. Ну, и Рома тоже. Ксюше нравится все красивое, будь то «шмотки», «тачки», ювелирные изделия или мальчишки. И всего этого у нее должно быть много.

– А о чем вы тут болтали, пока меня не было? Ой, какая здесь красотища – сил нет, и чердаки такие загадочные! И трубы водосточные так на солнце блестят. И лифт вон торчит такой интересный – я всегда мечтала в таком покататься, потому что он в стеклянной такой штуке ездит, которая приспособлена к зданию, наверное, он тоже прозрачный.

– Нет, тот лифт старый, в нем ничего не видно. Там даже зеркала нет. Это тебе не бизнес-центры, – вздыхает Лиза.

Ксюша замечает пиво у парней.

– О, вы опять пьете?! На машине бы всех покатали! У нас «бентли»!

За зеркальными очками никто не видит, какие у Артема становятся глаза.

В квартире в нескольких кварталах. Прихожая. Девушка выходит из ванной, на ходу натягивая кофту с капюшоном на майку. Она в джинсах. Волосы убраны в хвост. Переодевает обувь, стараясь не шуметь. Рядом стоят детские розовые сандалики и мужские кроссовки. Она выходит из квартиры. Пытается закрыть дверь. Руки дрожат. Ключи падают. Она их поднимает, закрывает дверь.

На крыше. Ксюша с неописуемым чувством гордости разглядывает свои наращенные ногти. Они очень ей нравятся, и она готова любоваться этой «красотищей» бесконечно. Потом она радуется, что самая здесь модно одетая и такой изящной сумочки больше ни у кого нет, и парень у нее на дорожной машине катается. И не имеет значения, что машина

папина и Артем сам не сделал ничего, чтобы заработать и на машину, и на Ксюшин маникюр, и на изящную сумочку... И мозгов у Ксюши хватит только на то, чтобы худо-бедно закончить Финэк, за родительские деньги получая зачеты и четверки, а потом выйти замуж за кого-то вроде Артема, а если не получится – работать секре... таршей и приносить шефу кофе в постель... так что гордиться, в принципе, и нечем.

– Марк, а где ты еще будешь выступать в ближайшее время? – интересуется Лиза, ее серебряные серьги блестят на солнце, как и серые глаза.

– Приходите в *Fish Fabrique* в эту пятницу, – улыбается Марк. – А в субботу вечеринка у Маринки. Потом меня где-то месяц не будет – сначала в Москву на фестиваль поедем, потом на денек сюда вернемся и сразу в Рим на две недели, – при этих словах он подмигивает Кристине, и лица у обоих становятся заговорщически счастливыми.

– А как попасть к Маринке? – интересуется новыми возможностями Ромео.

– Можно со мной, – улыбается Лиза.

– А мы же тоже пойдем, да, зайчик? – оживает Ксюша.

– Нет, козочка, я буду занят, – как можно более мягко произносит «зайчик». – И сейчас мне тоже, к сожалению, пора, спасибо огромное за компанию, мне очень все понравилось. Ничего подобного я в жизни еще не видел. Вы останетесь? – обращается он к своему эскорту.

– Я тоже тогда пойду, да, все было божественно, удивительно, прекрасно, экстраординарно, мифически, – улыбается Рома.

Ксюша, виляя бедрами, хвостом устремляется за Артемом, а Лиза остается: «Мне здесь хорошо, и до понедельника я совершенно свободна». Дина, придерживая летящие лоскутки платья, уходит провожать гостей, но обещает вернуться. С гитарой.

...– Кристин, если ты в следующий раз опять не будешь делать то, что мы уже давно тебя просим, я тебя больше не пушу! – смеется Дина, перебирая аккорды.

– Она будет, она мне обещала, – улыбается Марк, целуя девушку в висок.

– Это правда, я ему обещала, что в следующий раз у Дины...

Легкость и восхищение звучат над крышей смехом и голосами, блуждают в недрах гитары, отражаются вибрацией струн, больше не спотыкаясь о беспокойство и черноту мыслей, которых не произносят вслух, не упираясь в рамки лишь материального мира.

Во дворе.

– Ну и кто поведет машину? Может быть, Ксю? – Рома присаживается на капот и закуривает.

– Вы идиоты, у меня же прав нет, – Ксю тоже закуривает.

– А давай на такси, Артик? – предлагает Рома.

– А давай ты же уже протрезвел? – Артем тоже садится на капот и закуривает.

– Ну, ладно, это даже интересно! Что-то типа русской рулетки. Ну что, прокатимся с ветерком?

– Это так романтично, Ром! – Ксю смотрит на него с восхищением. Он ей подмигивает. С сигаретой во рту он очень смахивает на волка из одного известного мультика.

– А, знаешь, я передумал. Давай лучше на такси, – Артем, просматривая номера в телефоне.

– Сдрейфил, да? – Ксюша, насмешливо улыбаясь.

– Нет. Просто...

– Слабак, – Рома, усмехаясь.

– Хотя, мне в общем-то все равно, – Артем, пряча телефон в карман.

Окурки летят на землю, Рома садится за руль. От грохота музыки просыпаются соседи, кто-то даже подходит к окну посмотреть на этих (нехорошее слово). Машина круто разво-

рачивается, чудом миновав поребрик, затем лихо выбирается из двора и мчится по дороге в сторону набережной.

– Что, Артик, тяжело тебе сегодня пришлось, да? – улыбается Ромео, кивая в такт ритму.

– Ты о чем? – Артем достает следующую сигарету.

– Да так, ни о чем, – смеется Рома.

Ксюша тайком поглядывает на парня за рулем. Она сидит рядом, сославшись на то, что сзади будет укачивать. Она бы с удовольствием сейчас поехала куда-нибудь с Ромой, который все больше ей нравится... И Артем действительно слабак по сравнению с другом, который может запросто пьяный вести машину. Для него не существует ничего запретного, и глуповатую девицу это притягивает, хотя иногда и внушает страх. Наплевательское отношение к другим ей кажется признаком силы, а всякие темные делишки придают их хозяину шарм. Вскоре, забыв об Артеме, она уже то и дело бросает на водителя откровенные взгляды.

...Вишневый «бентли» сворачивает на залитую утренним солнцем набережную. Нева сверкает, шпиль Петропавловской крепости режет небо, по которому беззаботно плывут облачка-барашки. Как на старом фото. Где-то далеко впереди, на перпендикулярной улице, девушка в кофте с капюшоном переходит переулок по зебре, слушая рок, и стремится к набережной. Мысли сумбурны, взгляд внутрь. «Только бы добраться до аптеки и купить еще антидепрессантов. И можно будет как-то жить дальше. А утром приедет подружка, она обещала помочь...» На глазах слезы.

Роме хорошо. Жизнь кажется прекрасной. Этой ночью он неплохо заработал на травке, изрядно постебался про себя над лопухом-другом, а теперь опять мчится на этой сказочной машине, с музыкой, и солнце так приятно греет. От алкоголя, духов Ксю и ее близости голова немного кружится, он незаметно косится на голые загорелые ноги и вырез полупрозрачной маечки за 199.99 евро, туда, куда уходит цепочка с крестиком. Когда их взгляды встречаются, в воздухе будто проскакивает искра. От этого голова еще больше идет кругом. Очень хочется остановиться и... Артем здесь явно лишний. В своей машине. Ну, по крайней мере, собственного папы. В компании друга и своей девушки. Ну, одной из девушек. Но Артем мало что замечает вокруг, продолжая думать о Саше и о том, как ему выкручиваться, если она узнает правду. На душе мрачно. «Сашка точно уйдет. Это тебе не Ксю, которая будет бегать за тобой хвостом... вообще не понимаю, почему Саша до сих пор со мной... на деньги ей фиолетово, а в ее мире есть парни намного интереснее меня, такие же творческие, как она, необычные, кто что-то из себя представляет. А почему я с ней? Ведь в моей компании есть девушки красивее нее, те, кто лучше одевается, кто с детства привык жить, как я, а она носит эти ужасные огромные кольца из пластмассы, сама красит ногти и разрисовывает их черным маркером! Надевает это старое платье с какими-то звериками – пушистикami. Не знаю, почему я с ней, но в ней есть то, чего нет в других, с ней я будто на время просыпаюсь, она говорит что-то новое и не всегда ясное, она пытается меня переделать, что-то болтает про ответственность за все, про остальных людей, которые тоже на самом деле со мной как-то связаны, и я должен принимать их в расчет в своих решениях, про то, что нельзя бросать окурки мимо урны... На меня все это мало влияет, но хорошо, что она так говорит, она – моя надежда стать лучше, но хочу ли я этого? Мне и так неплохо...»

Толчок, истошный крик Ксюши режет воздух, улица на миг замирает под визг тормозов и мат Ромы, но, не успевает Артем понять, в чем дело, как улица снова несется дальше, и набережная все так же пуста. Тело девушки на мостовой уменьшается, превращаясь в ничего не значащую точку.

– Стой, куда ты гонишь! Вернись! – кричит Артем.

– А если там труп? – спокойно, будто в замедленной съемке, отвечает Рома. – Ксю, прекрати истерику.

– А если нет, человеку же в больницу нужно, может, он еще жив! Останови! – продолжает орать Артем. Ксюша продолжает реветь, закрыв лицо руками. Ее трясет.

– Хорошо, мы вернемся. Но за рулем сидел ты. Мы сейчас поменяемся. На этом участке нет камер, – так же спокойно произносит Рома.

– Что?!

– Что слышал. Ксю, ты же подтвердишь это? Папаша его, по-любому, отмажет. А у моего денег не хватит – мне конец.

Она кивает, испуганно глядя на Артема.

– Но это же не я! Я тут ни при чем!

– Ну как же ни при чем! А кто предложил, чтобы я сел за руль? И ты знал, что я немного пьян. Я чуть-чуть отвлекся, не заметил красный, а эта тварь как выскочит на дорогу на переходе, смотреть же нужно по сторонам, даже когда идешь на зеленый! В России живем. Дура, сама виновата!

– О чем ты? Ей нужна скорая!!! Поворачивай назад!

– Во-первых, кто-нибудь там еще поедет и остановится. Или прохожие. Я вообще-то для тебя стараюсь. Послушай моего дружеского совета: уезжай. У тебя даже стекло не разбито! В общем, выкручивайся как знаешь. Адъёс!

С этими словами он тормозит у обочины и выходит из машины, не забыв протереть руль, переключатель коробки передач и остальное, чего мог касаться, салфетками. Ксюша тоже выходит и больно вцепляется Роме в локоть. Тушь у нее размазалась по всему лицу, но реветь она прекратила.

– Артем, вызови ей, пожалуйста, скорую, – мямлит блондинка, и любители романтики направляются в переулок.

...Он продолжал сидеть, оцепенев, но уже трезвый, на заднем сидении, и глупо и страшно звучала по радио «Она лежала на земле...»³. В голове бесконечно вертелось: «А если там труп? Если труп? Отец меня убьет. Артем, вызови ей, пожалуйста, скорую. Сама виновата, дура. Но за рулем сидел ты. Ксю, ты же подтвердишь это? Ей нужна скорая!!! А если там труп? Но за рулем сидел ты. Подтвердишь это? Отец...»

Он пересел вперед, выключил радио, сердце бешено колотилось, руки дрожали, его бил озноб, и холодный пот выступил на лбу. Повернул ключ зажигания, нажал на газ, поехал. Черная «ауди» пронеслась мимо, он вздрогнул.

Ехал аккуратно, в основном переулками, не нарушая правила, руки тряслись, и радио в голове все не умолкало: «Ясно: – ты смылся с места аварии. Тебя найдут, отец тебя в порошок сотрет, даже если и отмажет, и прощай красивая жизнь – денег он больше не даст», – и дальше в том же духе. Тут он бы, может быть, вспомнил бы героя «Американской трагедии» Драйзера, если бы ее читал.

Хотелось только скорее закрыться у себя в пустой «хате» и никого не видеть и не слышать.

В комнате с опущенными темно-синими шторами, не зажигая свет, первым делом он открыл бар и схватил начатую бутылку коньяка. Руки дрожали и не слушались, он кое-как сорвал крышку и сделал несколько долгих глотков. Повернулся, поднял глаза, и на него уставилась Саша с большого портрета в красной рамке на противоположной стене. Она смотрела

³ Группа «Русский размер»

с невыносимой сейчас нежностью, отчего стало еще больнее. Вспомнились ее слова: «Понимаешь, Артем, другие люди тоже важны. Не только ты сам. И когда принимаешь решения, которые и их могут касаться, думай о них тоже, а не только о себе. Здесь должна быть гармония. Больше ли пользы чем вреда в итоге? А иначе ты никогда не сможешь быть счастлив по-настоящему. Никогда».

Бутылка полетела в портрет, тонированные и прозрачные осколки упали на дорогой паркет, и потекла коричневая жидкость по лицу девушки, по бежевым обоям вниз, на пол. «Ничего ты не понимаешь! Что я должен был делать?! – нервно спрашивал он вслух, глупо застыв посреди комнаты. – Пожертвовать своей жизнью взамен ее? Да?! В этом твоя гармония?! – Саша в его разуме еще пыталась что-то возразить, но он ее не слушал, потому что хотел знать только то, что мог вынести, а то, что она собиралась сказать, он вынести не мог, он знал это. Артем панически хотел быть правым и чувствовал себя безупречно логичным. – Она сама виновата! И за рулем сидел не я! Я тут вообще ни при чем! Рома полностью виноват. Это его вина. Я ничего плохого не сделал! Я ничего не сделал! Ничего не сделал!» Он долго искал телефон в карманах брюк, наконец, нашел, отключил, сел на край постели, уперся локтями в колени, лицо руками закрыл. И с самого начала – с визга тормозов и крика Ксю – все лезла в голову какая-то назойливая противная мысль, которую он боялся облечь в слова, которую заглушал другими, топил в алкоголе и только что не дал произнести Саше. «Нет, это не я. Не я вел машину. Рома сел пьяный за руль, не заметил красный, сбил девушку, не остановился, свалил все на меня и ушел. А я что должен был делать? Вернуться? А если там труп? И набегали бы свидетели, вызвали бы кого следует, меня бы забрали. Отец злится, мать расстроена, заметки в газетах. Моя только начавшаяся блистательная жизнь полностью разрушена! А если бы эти уроды стали в один голос говорить, что за рулем сидел я – не знаю, кому бы поверил отец... а трупу бы все равно уже ничего не помогло. А если она жива, все равно кто-нибудь заметил, и скорую вызвали, и все хорошо. Нет, Саш, мне совершенно не обязательно в это дерьмо ввязываться, тем более, что я не виноват, за рулем сидел не я! Меня это вообще не касается! Несчастный случай. Значит, судьба у той девушки такая. И если бы не Рома, ее бы все равно кто-нибудь другой сбил! Просто подвернулись мы – нам не повезло – мне особенно, меня жалеть нужно...» От праведной жалости к себе на глаза навернулись пьяные слезы, он разрыдался и долго не мог успокоиться. Затем мысли приняли другой оборот, и он уже размышлял молча: «Кто-то мог видеть аварию, запомнить цвет, марку, номер, наконец, и та «ауди», и там же камеры дальше, меня уже ищут. Нужно спрятать машину. Поджечь. Да, поджечь и сказать, что это случилось раньше, значит, я не мог задавить ее. Какое жуткое слово: «задавить». Но это был не я! Но те, с вечеринки, видели «бентли». И Ксю предлагала покататься! Какая же она стерва! Все из-за нее! «Это так романтично, Ром!» Получила романтику?! А если бы не Лиза, мы бы и не пошли никуда, и не ехали бы по набережной, и девушку бы сбил кто-то другой; а если бы Саша не свалила одна в свой Бердянск, она пошла бы с нами и не позволила бы пьяным садиться за руль. Это все из-за тебя, слышишь?! А теперь меня могут посадить! Ты сломала мне жизнь! А я ни в чем не виноват! – последнюю фразу он кричал, смотря в карие глаза девушки на фото с разводами и разбитым стеклом. – Нет, все будет хорошо. Отец всем заплатит, если меня найдут. А если не найдут, никто ничего не узнает. Все будет хорошо. Хорошо». Вдруг мысли стали путаться, комната поплыла, он повалился на бок, натянул покрывало с головой, как в детстве, когда от всех чудищ можно было спрятаться, просто забравшись под одеяло. Свернулся калачиком и отключился. Только в этот раз чудища находились внутри.

Анжелика

Алушта. Зброшенный пляж. Узкая полоска берега уходит далеко вперед. Галька и почти ни души. Скидываю одежду. Море кажется сначала холодным, заставляю себя окунуться. А затем долго плыву по солнечной дорожке и обратно – уже тепло, и не хочется выходить. Вспоминаю, как отдыхали здесь с бывшим мужем много лет назад. Когда жизнь казалась удивительной, а будущее – прекрасным. А теперь жизнь осталась лишь в книгах, а моя собственная – будто брошенный дом. Да, меня радуют дети и работа, но когда рядом нет никого, кто бы тебя понимал, с кем хотелось бы делиться мечтами, кем хотелось бы восхищаться, все остальное тускнеет. И я уже ни во что не верю.

...Брожу по берегу. Слушаю шум волн и крики чаек. Близится вечер. Немногие отдыхающие расходятся. Хорошо побыть в одиночестве.

...Мужчина в белом идет в мою сторону и, не доходя, садится у воды в позе врубелевского демона. От него веет силой, грустью и тайной. Смотрит на солнце. А я не могу отвести взгляд от его лица. Серые холодные глаза. Немного резкие правильные черты. Русые короткие волосы. Дорогие часы на запястье. Люблю мужчин, которые любят хорошие часы. Хотя... аксессуар по цене маленького домика у моря в Болгарии или приличной машины – такая странная блажь. Но... оно того стоит. Интересно, что он забыл в этой «дыре», как выражается мой сын. Для кого-то – так, а для кого-то – мечта провести лето. В зависимости от возможностей и точки зрения.

Он медленно переводит взгляд на меня, и в его глазах пляшут черти. Или просто блики от садящегося солнца. Смотрю на него. Чувствую, меня к нему тянет, будто магнитом. И вдруг становится интересно жить. Захожу в воду, минут тридцать плаваю. Он все смотрит куда-то вдаль. На красное солнце или на меня... Собираю вещи, надеваю белый короткий сарафан, прохожу мимо, а сама хотела бы остаться. Он провожает меня взглядом, и не обязательно оборачиваться, чтобы об этом знать. Интересно, кто из нас старше? Интересно, кто он в жизни? О чем он думает? И не лучше ли мне об этом не думать? Но я не могу. И почему я тогда ухожу? Потому что он молчит.

Доезжаю до отеля... Пытаюсь читать, но мысли бесконтрольно уплывают к другим берегам. И теперь кажется, что у меня еще есть интересное будущее, что не вся любовь еще в прошлом. Пусть не этот и не тот, а кто-то третий. Главное, еще остались мужчины, способные меня заинтересовать. Даже если и по одному на миллион. Ведь я уже не та наивная восторженная девочка. Приоритеты поменялись. И требования очень высоки, в том числе и требования к себе. Знаю, чтобы иметь то, что я хочу, я должна этому соответствовать. И в этом стремлении я уже давно обогнала многих, оставив себе не такой уж и большой выбор. Как герой одной книги, который стал целыми днями читать и писать, чтобы подняться до уровня своей образованной избранницы, а затем с горечью обнаружил, что она осталась далеко позади него, и выглядит по сравнению с ним просто серой мышью. Да и мало одного лишь соответствия.

Переодеваюсь в черное платье по колено. Долго смотрюсь в зеркало. Волосы убираю наверх. Спускаюсь в ресторан. Занимаю столик на террасе с видом на море. Хорошо, сюда тоже доносится музыка моей любимой английской группы. Ухожу в свои мысли. Вспоминаю последнюю встречу. Нужно все-таки было с ним заговорить! Не часто видишь таких мужчин. Вернее, кроме мужа никого и нет. А мужа тоже нет. У него давно своя жизнь, и

пересекаемся мы лишь из-за Макса. Правда, я-то почти все время о нем думаю... и вижу его в детях. И вот появляется кто-то, кто кажется не менее интересным. И что же я делаю? Ухожу с гордо поднятой головой!

– Я решил вас не разочаровывать. Вы позволите?

Приятный голос выдергивает меня в реальность. Стараюсь, чтобы радость была не слишком заметна. Киваю. Садитесь напротив. Теперь-то я смогу получше его рассмотреть, хоть здесь и полумрак. Смотрим друг другу в глаза. И начинает «ехать крыша». Как же быстро! Надеюсь, по моему лицу нельзя прочесть то, о чем я думаю. Впрочем, об этом не стоит беспокоиться.

– Вы за мной следили? – спрашиваю.

– Нет. Просто счел, что вторая встреча – уже не случайность.

– Ах вот как. А если бы ее не было?

– Были бы другие, – отвечает задумчиво.

Можно понять и так и эдак. Он, определенно, мне нравится.

– Да. Всегда есть другие.

– Вы откуда? – спрашивает.

Сложный вопрос.

– Из Москвы. Вы?

– Тоже.

– Вы думаете, мы уже можем познакомиться? – интересуюсь с улыбкой.

Улыбается уголками губ. Пью апельсиновый сок из трубочки.

– А вы думаете – да?

Киваю.

– Тогда попробуйте угадать имя, профессию и жизнь.

Вот так поворот. Я в нем не ошиблась.

– А что я получу, если угадаю?

– Все, что хотите.

Улыбаюсь.

– Сколько попыток?

– Этот вечер, – отвечает серьезно.

– В имени есть буква Р.

Кивает.

Перечисляю имена.

– Вы должны быть уверены в своих предположениях. А пока вы спрашиваете, я буду отвечать «нет».

– Но это не честно!

– А кто здесь обещал вам честность?

Одной мне вдруг сразу хочется уйти, убежать от него подальше. Но вторая я меня не пускает. Ей, чертовке, интересно, что же будет дальше.

– Хорошо. Вот один портрет. Роман. Разведен. Не может забыть жену, хотя сколько этих других, которые всегда есть, было после. Один из руководителей какой-нибудь успешной компании, связанной с творчеством. Ездит на «порше» или чем-то вроде. Любит бильярд, научную фантастику, рок, мотоциклы, дорогие очки, ремни и часы. Что-то его гнетет. Но он почти никого не подпускает достаточно близко, чтобы рассказать об этом. Его раздражают опаздывающие сотрудники и пробки. У него две дочери-близняшки, как две капли воды похожи на мать. Семи лет.

Несколько раз за время моего монолога он едва заметно меняется в лице. Значит, кое-что в точку.

– Неплохо. Еще варианты.

– Андрей. Владелец сети магазинов дизайнерской одежды. Убежденный холостяк. Душа компании. Ездит на черной «БМВ», любит черный кофе без сливок, горький шоколад с миндалем, музыку транс, из танцев – брейк, из книг – фэнтези и детективы, из женщин – тех, которых сложно добиться. У него есть собака – милый рыжий спаниель с большими ушами. И парочка внебрачных детей в разных городах, видевших его несколько раз в жизни. Как вам такой расклад?

Наблюдаю за реакцией. Вообще, последнее – по большей части чушь. Просто интересно сравнить.

– А вы любите читать. Но блефуете слишком открыто. Могу дать пару уроков. А за внимательность ставлю отлично.

Тебе тоже за внимательность отлично.

– А что еще вы можете обо мне сказать? – спрашиваю.

– У вас необычное имя. Вы в разводе. К несчастью, любите мужа и даже не пытаетесь забывать его с другими. У вас двое детей. Мальчик и... тоже мальчик. Свой интересный бизнес. Машина – белый «мерседес». Вы любите литературу. Молочный шоколад, Москву, спортзал, ложиться поздно, вставать днем. Туфли на шпильках, сигареты с ментолом, честность, уверенность, стиль и шарм. Ненавидите, когда люди тратят время на всякую чепуху, вместо того, чтобы создавать что-то невероятное, что-то, что дает результаты и чем можно восхищаться. Увольняете сотрудников за опоздания. Да, и ваши дети непростоительно похожи на отца.

Его голос сводит меня с ума. Взгляд – обжигает. А слова... почти все в точку. Что он за человек?!

– Ну, кое-что верно. Но далеко не все.

– Конечно, конечно.

– Есть еще варианты?

– А чем плох первый?

Улыбается, щуря глаза.

– Тем, что вы уверены, что все сказанное относится ко мне. У меня же должен быть шанс являться другой.

– Шанс есть всегда. Так какое из необычных имен – ваше? Начнем по алфавиту... Ангелина?

– Вы должны говорить уверенно, иначе я на все буду отвечать «нет».

– Ладно. Анжелика.

Смотрю на него удивленно. Улыбается.

– Вы мое имя тоже угадали, не мог же я остаться в долгу.

– Значит, Роман.

Улыбается. Смотрю ему в глаза.

Как же я устала быть одна!

– А вы верите в судьбу? – спрашиваю.

– Только если пьян.

Смеемся.

– Вы?

– Аналогично. Мы все делаем сами. Мысли, поступки, все имеет последствия. Они и создают наше настоящее и будущее. Важно быть более правыми в своем выборе.

– Да. Но даже ошибки и их плохие последствия и обстоятельства можно превращать в плюсы. Иногда, правда, это сложно.

Становится грустным. Он желает казаться не тем, кто он есть, но выглядит более искренним, чем порой те, кто старается быть собой. И хочется спросить его, что у него слу-

чилось, что, возможно, поставило с ног на голову всю его жизнь, но я знаю, он мне все равно не ответит.

- Вы правы, – говорю.
- К счастью, да. Пойдем к морю.
- А мы уже на «ты»?
- А почему нет? Я ведь о тебе уже все знаю.
- Это просто возмутительно! Сам же все и придумал и теперь все знает!
- Ладно. Возможно, у меня будет шанс увидеть, в чем я ошибся.
- Шанс есть всегда.

...Подходим к морю. Поздним вечером оно действительно черное. Снимаю босоножки. Захожу в воду по колено. Легкий бриз дует в спину. И кажется, будто мне лет восемнадцать. А обычно мне кажется, что где-то двадцать пять. И не только мне. Он не видит мою улыбку. Безумно хочется плавать. Вообще, этим вечером хочется чего-то безумного. Захожу глубже в воду, по пояс. Оборачиваюсь.

– Могу последовать вашему примеру, – улыбается. Заходит в воду, тоже в одежде. Смеюсь. Брызгаемся. Плыдем далеко, в темное. Затем обратно, к огням берега. И так неудержимо весело! Будто мы дети, и нам удалось здорово нашалить, пока взрослых не было. И вернутся они не скоро, так что можно успеть еще много чего натворить, чтобы было потом не обидно за растраченные понапрасну возможности. Чувствую дно под ногами. Смотрю в серые глаза, и в них опять пляшут чертики. Или это все-таки блики огней? Целует меня. Я хотела этого с момента, как впервые его увидела. И не только... Выходим. Вода стекает в три ручья. Бредем к отелю. Босоножки несущ в руках.

– А еще она любит купаться ночью в дорогом платье, сводить с ума мужчин и целоваться с первыми встречными...

- Опять не все верно, – улыбаюсь.
- Смотрит вопросительно.
- Может быть, у тебя будет шанс узнать, в чем ты ошибся.
- Легко догадаться, но сложно поверить.
- Ну, это уже ваши проблемы.

Улыбается. Обнимает меня за талию. Голова все еще кружится. Заходим в отель. Портень старается совладать с лицом при виде двух неожиданно вымокших, но трезвых людей. Получается на четверку с плюсом.

В лифте.

- У меня третий этаж, – говорю, почему-то шепотом.
- Нажимает на четвертый. Смотрю на него вопросительно.

– А тебе больше нравится, когда мужчина поступает так, как ты говоришь, или так, как ты хочешь?

Артем

В мешанину сна уже давно затесался какой-то дурацкий звук. Где-то стучали и звонили. И он даже три раза открывал дверь, там не было ни души, но как только возвращался обратно в машину с разбитым стеклом и каплями крови на руле, снова принимались звонить и стучать. Наконец, ему удалось открыть глаза, и ужас происходящего превратился в реальность. За ним пришли. Значит, там все-таки труп. Артем тяжело поднялся с кровати – в минувшие сутки (чуть больше) он был занят положительно тем, что методично опустошал бар – в ход пошли и вино, и водка, и даже этот ужасный виски с тошнотворным привкусом сивухи, который приходилось занюхивать рукавом. Пил, пока не отключится, а когда ему случалось снова прийти в себя, процедура повторялась. Ступая босыми ногами посреди

окурков, живописно разбросанных на дорогом паркете, он прошествовал в коридор – одеваться было ни к чему, так как он и не раздевался – подошел к двери и глянул в глазок. Стало легче, но не намного. Открыл дверь.

– При... что с тобой?

– У меня все нормально, извини, не смог тебя встретить, я думал... я был занят... помогал Ромео с переездом – он снял новую хату, и мы всю ночь перевозили его шмотки, я недавно только домой вернулся, устал ужасно, еще раз извини, пожалуйста. Расскажи, как съездила? – он переминался с ноги на ногу, держа дверь открытой, то и дело смотрел то куда-то вбок, то поверх Саши, прислушивался к шагам в парадной, вздрагивал от каждого звука безразличной жизни, что копошилась вокруг, в каком-то своем мире. Мятая белая рубашка в мелкий коричневый узор наполовину выбилась из черных брюк, глаза ввалились, от него здорово разило перегаром и перекуром. Она застыла в дверях, чувствуя жалость, отвращение, но и желание помочь беспомощному человеку явно в беде и в то же время, представляя Олега – уверенного, сильного... еле сдерживала улыбку, смеялась в душе над собой и над ситуацией, но тут же становилось стыдно за свои мысли и хотелось, чтобы ничего не было, а просто броситься на шею к этому мальчишке, выпросить, что случилось, не создавая видимости веры в ложь, что было бы еще одной ложью; помочь ему. От растерянности ей вдруг захотелось плакать. Он же хотел лишь отменить прошлое утро, чтобы оно вот прямо сейчас не стояло перед глазами, не смело так грубо вмешиваться в его жизнь – ни тогда, ни сейчас. Хотелось просто ей все сказать, но он не мог – боялся ее реакции, Саша ведь такая правильная. По крайней мере гораздо лучше, чем он. Что для него – нормально, для нее – то, чего не должно быть.

– Так и будешь держать меня в дверях?

Он закашлялся и нехотя отступил.

– Извини, проходи, конечно, плохо соображаю – спал.

Почему-то скептик в ее разуме захотел тут же спросить: «С кем?» – на долю секунды стало больно, но и забавно, – «С водкой...» – тут же откликнулся здравый смысл.

Саша сняла черные босоножки без каблуков с длинными завязками и собиралась пройти в комнату.

– Подожди, – тронул ее за плечо, – там... не убрано, мне неудобно, давай лучше посидим в кухне, ладно? – он смутно чувствовал, что в комнате что-то не то и Саше этого лучше не видеть, но что именно? – Забыл.

– Артем, что с тобой? – спросила она, не вполне понимая – хочет ли на самом деле услышать настоящий ответ...

– Я же говорю, все у меня нормально! Помогал Ромео с переездом, устал, что ты на меня набрасываешься сразу?! У меня все нормально, разве не видно?! Расскажи лучше, как съездила, что делала?

Прошли в кухню, Саша опустилась на табурет, Артем сел напротив и закурил. Она встала, открыла настежь окно и выглянула на улицу... «А Олег не курит...»

– Съездила очень хорошо, мне все понравилось, – грустная улыбка, и снова ожила та гроза на пустынном пляже, та последняя встреча, когда любовь была так желанна и так возможна... Вот бы сейчас уйти навсегда – без сцен, ничего не объясняя, уйти, чтобы никогда уже не вернуться в эту квартиру, где столько всего произошло за долгие два года, что они были вместе. Слова застыли в горле. Перед мысленным взором мелькают картинки прошлого, осколки счастья, которое иногда их с Артемом баловало, обрывки красивой мечты, к которой привыкла... но Олег... Ужасно находиться посередине. Не знаешь, в какую сторону тебе бежать, какой поступок счесть верным. И в то же время уже нужно что-то решать и куда-то бежать. Вернее, нужно было уже вчера.

– Что ты там делала? С кем общалась? Как погода? – продолжал задавать неинтересные ему вопросы Артем, рассматривая обворожительную девушку в коричневом платье по колено, со спутанными почти черными волосами, убранными в хвост, стоящую к нему спиной у распахнутого окна. Солнце сквозь дымку освещало просторную дорожную кухню в бежевых тонах. Хрустальная пепельница была полна. Целлофан валялся рядом с микроволновкой.

Стена между ними становилась все плотнее. И если раньше ее строил лишь он, умело используя сподручные средства – Ксюшу, ей подобных и ложь, то теперь в игру включилась и Саша. Она описала, как проводила время в Бердянске, опуская неуместные детали. Он слушал вполуха, барабанил пальцами по столу и думая о своем.

– Ну а ты чем тут занимался без меня? – Саша повернулась к нему лицом.

Перед его мысленным взором из ванной выбежала Ксения, потом появилась она же, но уже в машине, с растекшейся тушью, и крик, который до сих пор стоит у него в ушах.

– У меня все нормально! Я ничем не занимался. Ничем особенным. Вот помог Роме с переездом. Все как обычно, – торопливо произнес он, смотря в пол. Хотелось, чтобы она ушла, но в то же время он боялся остаться один – Саша была его последней надеждой выбраться из того болота, в котором он прозябал уже давно, и особенно теперь, когда – либо тонуть совсем, либо подниматься.

Она молча и внимательно посмотрела на него, а затем вскочила и бросилась в комнату. Артем ринулся следом, но не успел.

Шторы задернуты. Бар открыт, пустые бутылки свалены там же. На паркете возле постели гора окурков. Осколки у противоположной стены, разводы на обоях и портрете Саши с разбитым стеклом. Она раздвинула занавески, распахнула окно, и свежий после дождя воздух начал постепенно заполнять комнату. Артем сел на кровать, опустил голову. Саша оказалась рядом, взяла его за руку.

– Скажи мне, что случилось?

– Ничего же! Просто отдыхаю! Я что, не имею права? Помогал Роме с переездом, устал...

– Я звонила ему, он видел тебя последний раз вчера утром. И за что досталось моему портрету?

Артем побледнел. «А вдруг он проболтался? Хотя нет, ему лучше молчать, потому что Саша скорее мне поверит». Рассеянно посмотрел на подтеки и осколки.

– Это... случайно получилось! Он упал, и я нечаянно уронил на него бутылку с коньяком. А Рома... а, ну да, вчера ночью мы перевозили его вещи, а утром расстались.

– Но ты сказал, что это было сегодня! И почему подтеки на стене?!

– Не знаю! Значит, я напутал! Ты видишь, в каком я состоянии?

– Вижу. Потому и не верю ни одному твоему слову. Что случилось на самом деле?!

– Сколько можно тебе повторять?! Ни-че-го не случилось! У меня все нормально! – он вырвал руку и принялся искать на полу зажигалку. Наконец, нашел ее на подушке, закурил. Саша отодвинулась.

– Ну, хорошо, я тебе скажу, что случилось. Навсегда поссорились с Ромой из-за... денег. Я расстроен. Он у меня – единственный друг. Остальные – так, приятели, просто поболтать, время провести, ты же знаешь.

Легче от сказанного Артему почему-то не стало. Он продолжал еще о чем-то думать и достал из пачки следующую сигарету.

– Тём, я тебе не верю.

– Да что ты ко мне привязалась, в конце концов! Все, больше мне тебе сказать нечего. Я действительно поспорил с этим козлом! Я расстроен именно из-за этого. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

– Ну, хорошо, давай о другом.

Минуты две длилось тяжелое молчание.

Ей хотелось, чтобы он сказал правду, и хотелось самой во всем признаться. Но ни то ни другое не казалось возможным.

«Наверное, никогда у нас больше ничего не будет, о чем я мечтала до Бердянска. Раньше хоть призрачный шанс оставался, а теперь уже все сломано, и нет надежды», – думала Саша.

Ему в этот момент хотелось только чтобы она ушла и оставила его в покое на несколько дней, пока он не переживет свой кошмар, пока что-то не выяснится. А если так и не будет ничего известно ни о той девушке, ни о том – ищут ли его или нет? «Лучше бы я вернулся тогда – хотя бы знал, что с ней».

– Солнышко, прости меня, мне сейчас, правда, плохо, нет никакого настроения общаться – это с тобой никак не связано, давай... я побуду пока один, я тебе обязательно позвоню через несколько дней, ладно? Мы сходим куда-нибудь, устроим романтический ужин, можно в Венецию слетать на пару дней, – он плохо себе это представлял, но главное было сейчас хоть что-то сказать – все, что угодно, лишь бы создать хорошее впечатление, лишь бы она ушла, а потом выпить еще спиртного, и тогда точно все будет хорошо.

– Ну ладно, как скажешь.

Она вышла в коридор, мучительно долго возилась с завязками на босоножках. Взяла зеленую войлочную сумку в цвет ногтей и сережек. Железная дверь за ней захлопнулась.

Ему вдруг стало ужасно грустно. Будто грохот двери спугнул последнюю надежду, она выпорхнула в раскрытое окно, и теперь впереди лишь одиночество, страх, пустота. Он застыл посреди коридора, лицо руками закрыл. «Дурак, нужно было все ей сказать, она бы обязательно что-нибудь придумала, а теперь я и ее теряю. Еще не поздно все вернуть...» Но тело не слушается. Он продолжает стоять минут семь. Затем медленно идет к бару...

Она сидит возле двери на корточках. Слезы тихо текут по щекам. Хочется, чтобы как раньше, в сердце – лишь он один; чтобы полностью быть на его стороне, искренне стараться помочь, понять – в любой час любого дня. Но как раньше, уже никогда не будет, а возможно, больше не будет вообще ничего. «Зачем же тогда уехала из Бердянска? Как все глупо и сложно, а счастье, наверное, в простом...»

...Ну, раз уж я здесь, нужно все же забыть ту грозу и Олега. Хотя бы на несколько часов».

Он слышит стук в дверь, бутылку ставит на место, и на измученном лице мелькает улыбка.

Саша

Артем открывает дверь, бросаюсь ему на шею, как раньше. Бердянск растворяется, будто и не было вовсе, чувствую просто любовь. И он – какой-то другой, и кажется, больше желания быть со мной – в объятиях. В измученном взгляде – больше тепла... Нежность обволакивает. Теперь ты все мне расскажешь. Проходим в комнату. В полумраке лишь дневной свет сочится сквозь вновь задернутые шторы. Садимся на постель.

– Что случилось у тебя?

– Я...

Закрывает лицо руками, локтями упирается в колени. Сижу с ногами на кровати, вижу его фигуру в профиль. Буду расспрашивать, пока он не скажет. Он чувствует мою решимость и не пытается врать. Но ему тяжело сказать правду.

– Мы....А потом Рома с Ксю...шей вышли из машины. Больше я их не видел. А я...

– Что ты?!

Мне вдруг становится совсем жутко.

– Я... не... – он подавился словами, – не мог вернуться. А если там труп?

И дальше множество объяснений, почему он был прав, объяснений, которым нет конца. Не могу больше это слышать, кричу:

– А когда ехал дальше, ты думал о ее родных?! О тех, кто ее любит? Для кого она – часть жизни, важная, лучшая часть! А теперь ты не знаешь даже, жива она или нет! Сбежал и чего добился?! Счастлив?!

– Я так и думал, что ты это скажешь! Ну хорошо. Что я должен был сделать? – раздраженно.

– Не пускать пьяного Рому за руль машины твоего отца.

Молчит. Видимо, это еще не приходило ему в голову. И с этим он не может спорить. Встает. Подходит к окну. Открывает шторы. Закуривает. Да, это нелегко пережить. А он думал, что это все Рома. Не сидел за рулем сам, и все хорошо, да? Можно свалить все на других! Так просто. Да только – это путь в никуда. Путь в пропасть, в бездну собственной ничемности. Ответственным быть легко. Безответственным – сложно. Сложно – в плохом смысле. Когда все вокруг тебя – виноваты. Ты сломлен. Ты – святоша, а это все они – вот кто делает твою жизнь адом. «Выпью-ка я еще бокальчик».

Молчит... затем, еле слышно:

– Ты права, – поворачивается. В глазах блестят слезы.

– Хорошо. Что ты теперь можешь со всем этим сделать?

– Стекло не разбито, я осмотрел машину и... – и дальше чудный план, как все замять и заставить исчезнуть факты.

– Артем, – устало, – это опять одна сплошная ложь. И ты не сможешь жить так, будто ничего не случилось. А если сможешь, нам не по пути. Выбирай – или ложь, мартини, постоянный страх, что тебя найдут, постоянная борьба с самим собой, когда один ты – все понимаешь, а другой – делаешь вид, что все нормально и ничего не произошло. Либо я, выяснение правды, да, проблемы, и да, возможность когда-нибудь быть счастливым. Возможность смотреть самому себе в глаза и знать, что хоть ты и ошибся один, даже два раза, но ты оказался достаточно зрелым, чтобы признать ошибки и исправить их. Хотя бы частично (потому что полностью это невозможно) возместить ущерб девушке, если она еще жива. Или ее родным, если нет. А если что, я поговорю с твоим отцом, и он поверит тебе. Рома мне никогда не нравился.

– Но... а если там труп? Меня посадят...

– А почему ты раньше об этом не думал, когда давал Роме ключи от машины?!

– Но ведь могло и обойтись, ведь не всегда же попадают в аварию...

– А вот не обошлось. Знаешь, в каком случае могло обойтись?

—?

– Если бы за рулем сидел трезвый. У пьяных скорость реакции замедленная и внимания меньше. Скажи мне теперь насколько важно было доказать себе, что вы крутые? Насколько это важнее человеческой жизни?

– Что я дурак, я уже понял. Чего ты еще от меня хочешь?! И вообще, что ты ко мне прицепилась! Не нравлюсь какой есть – тебя никто не держит! – кричит.

Почем я все еще сижу здесь и пытаюсь вытащить Артема из грязи, к которой он так упорно стремится? Противно. Уйти? Но уйти сейчас – равносильно тому, как он сбежал с

места аварии. Что ж, пусть мы и не будем вместе, помочь ему я обязана. Хотя бы попытаюсь, сделаю все, что в моих силах.

– Артем. Ты, правда, думаешь, что сможешь быть счастливым, если оставишь все как есть? Если будешь делать вид, что ничего не было. Всю жизнь. И бояться, что тебя найдут. По сути, ты уже сейчас это и делаешь. И как ты себя чувствуешь? Расскажи мне, как?

Молчит. Смотрит в окно. И слышно в тишине, как тикают настенные старинные часы. Медленно текут минуты. Визг тормозов выдергивает его из оцепенения. Он вздрагивает. И я вижу – теперь он понял, что я пытаюсь сказать.

– Паршиво. Очень. У меня в ушах почти постоянно звук тормозов и крик Ксю. А если не это, то я объясняю сам себе, почему не виноват, но легче от этого мне не становится ни капли. И чтобы забыться, пью. Помогает неважно. Пожалуйста, помоги мне. Я не знаю, что мне делать. Придумай что-нибудь, пожалуйста, Саша. Прости, что я тебе нагрубил. Я не хотел. Мне очень, очень плохо.

Поворачивается ко мне, опускается на пол у окна. Лицо руками закрывает. Подхожу, сажусь рядом.

– Все будет хорошо. Мы что-нибудь придумаем.

Молчит. Кладу руку ему на плечо.

– Понимаешь, даже если ошибка ужасна, но ты можешь взять за это ответственность, вместо того, чтобы валить все на других или обстоятельства... Можешь признать – да, ситуацию создал ты сам, хотя мог поступить по-другому, и теперь сделаешь все, чтобы исправить это... Так вот, если ты можешь принять такое решение и выполнить его – ты в норме. Пока не перекадываешь вину, пока ты можешь увидеть, в чем сам был причиной произошедшего, ты в норме. Как только считаешь других виновными, ты становишься слабым, ведь делаешь остальных, обстоятельства, сильнее тебя. И ты, конечно, теперь ничего не можешь с этим поделать. Ты катишься вниз. У тебя появляется все больше секретов от людей. Ты отдаляешься от них. Не можешь быть искренним с друзьями. С теми, кто тебе дорог. И вокруг тебя постепенно собираются такие же люди. Со своими скелетами к шкафу. Люди, которым нельзя доверять. Которые говорят – одно. Чувствуют, думают и делают – другое.

– Да... ты права... я мог не пускать Рому за руль... Или я мог вернуться сразу же, и будь что будет. Как-нибудь разрулил бы ситуацию. Всегда ведь можно найти выход, верно?

В его взгляде столько надежды, будто от моего ответа зависит его жизнь.

– Да. Верно. Всегда можно найти выход. Если действовать правильно. А если продолжать ошибаться, всегда можно найти вход. В ад.

– Вот я и нашел.

Он усмехнулся.

– Ну да. А теперь вставай, пошли обратно.

Поднимаюсь и протягиваю ему руку.

Мы подходим к столу, он включает ноутбук.

Ангелика

Двери лифта выпускают двоих счастливых людей в мокрой одежде и с дикими глазами. Они обнимаются, шепчутся и скрываются в номере с видом на море...

...Но, насколько все прекрасно в процессе, настолько ужасно становится после, ужасно и грустно от того, что он не тот, кого судьба, в которую не верю, выбросила навсегда из моей жизни. Я ведь просто хочу быть с ним. Отворачиваюсь к стене, чтобы не видел слез. Болтаем о чепухе, и я так и не узнаю ничего настоящего об этом чужом мне человеке. Но это не мешает на какое-то время снова и снова забывать с ним обо всем... Затем падаю в беспо-

койный сон. Часа через три, когда из-за бордовых задернутых штор уже пробивается утреннее солнце, открываю глаза и чувствую: не могу больше здесь находиться. И объяснять ему ничего не хочу. Тихо встаю, забираю невысохшую одежду из ванной. Оборачиваюсь в одно из полотенец. Поглядываю на мужчину. Только бы не проснулся. Боже, какие совершенные линии. Ищу на столе карточку от своего номера. Замираю. Ворочается. Наконец, нахожу ее под столом. Вроде, все. Отрываю медленно лист из блокнота, пишу: «Я никогда не забуду эту ночь... Но ты был прав. Прощай»...Зачеркиваю «Но ты был прав» так, чтобы было не разобрать. Сердце колотится как бешеное. Выхожу из номера, аккуратно прикрываю дверь. С одеждой и босоножками в руках спешу на свой этаж. По дороге встречаю ухмыляющегося моему виду сотрудника отеля. Улыбаюсь. Захлопываю дверь своего номера. Падаю на кровать.

Спряталась я, конечно, шикарно. Наткнувшись на него, еще не дожив и до вечера. И придется объяснять свое детское бегство. Ну что я скажу? «Звони через полгода, а я постараюсь к этому времени забыть его, может быть, получится... или давай закроем на это глаза». А вообще – мои чувства никого не касаются. Белый ноутбук и черное платье исчезают за молнией обожравшегося одеждой чемодана. И вопрос к самой себе: «Что же делать?» остается риторическим. Кидаю полотенце на покрывало. Одеваюсь в голубое. Вызываю такси до соседнего города – Ялты. Внизу расплачиваюсь карточкой, и миллионы лет снимают со счета деньги. Все оборачиваюсь и все жду, что он появится. И даже не знаю – хочу ли я этого или боюсь.

Наконец, сажусь в такси, и белый отель на берегу моря становится игрушечным. Включаю музыку в наушниках, мелькает южный пейзаж за окном. Все еще слышу волнующие слова и его дыхание, а затем тоску по другому и пропасть между нами – между мною и обоими мужчинами. Один уже безнадежно далеко, а другой – еще не близко. Если бы мы сначала просто общались, хорошо узнали друг друга и полюбили, все было бы иначе. Это как если сначала разбить яйца прямо на плиту, а потом сверху поставить сковородку. Вероятно, в этом и есть вся наша проблема. Закрываю глаза. Равнодушное солнце заглядывает в салон авто. Слезы текут по щекам.

...А время все летит. Вот уже опадают лениво листья. Шуршат под ногами. Начало октября. Макс пропадает в школе и на ушу. Вечерами делает уроки и меньше шатается где попало. Отец приезжает к нему где-то через выходные. В гости не заходит. Да уж... устроила я ему веселую жизнь. И мне все больше хочется рассказать о нашем маленьком Даньке. Но что-то останавливает. Да и видимся мы ужасно редко. Помню свои слова, когда уходил, что не настолько я сумасшедшая, чтобы продолжать его любить, когда уже нет надежды быть вместе. Оказалось, настолько. Грустно. Скорее бы уже вернуться на работу, в офис. Скучаю по сотрудникам, по всей этой кипучей жизни, по проблемам и деловым встречам. Тогда будет некогда думать, о чем не нужно.

Я и сейчас работаю дома, но дома не так интересно. Вот и теперь уже пора заняться делами. Хотя... очень сложно называть любимое занятие таким образом. Это то, что обожают делать некоторые люди. Только мне это настолько нравилось, что страсть как-то сама собой переросла в успешный бизнес, как и бывает, когда занимаешься действительно любимым делом. Но суть не в деньгах, а в том, чтобы знакомить интересных людей друг с другом. Наверняка, уже прислали что-нибудь новенькое. Открываю ноутбук. Конечно. Пять новых рукописей с рецензиями. Читаю сначала рецензии. Сотрудники присылают мне уже самое лучшее. Мы не принимаем рукописи на рассмотрение, а сами ищем новых авторов и пред-

лагаем им сотрудничество. Авторы не обивают униженно наши пороги и не засыпают горой рукописей, и, следовательно, не получают отказов. Если произведение нам не нравится, мы просто ничего не пишем. А вот лучшие получают сюрпризы в виде предложения издать книгу.

Меня поразила одна рецензия. Таких отзывов я давно не читала, если они вообще были. Но еще больше меня поразило другое имя автора – Саша Лебедева. И даже не знаю, стоит ли мне все же читать... готова ли я к этому? Но отзыв поразителен. Любопытство берет верх над эмоциями. С первых строчек ухожу в роман... Понимаю: пропаду там на несколько дней, прошу прийти няню – заниматься миром реальным, пока меня в нем не будет.

Читаю роман и понимаю, что до этого я не понимала ничего. А самое страшное – никогда у меня не было подобного общения, за исключением некоторых моментов. А то, что было – кажется теперь каким-то унылым и безжизненным. И бывшего мужа я совершенно не знаю. Конечно, я преувеличиваю... немного. Вся жизнь вдруг проносится мимо, и смотришь на все иначе. И так два дня. К середине ночи дочитываю до конца «По ту сторону облаков». Вытираю глаза. Он никогда не был со мной настоящим. Как и я – с ним. Не специально. Просто мы не могли позволить друг другу быть самими собой, так как в этом случае можно было бы сразу пойти в разные стороны. И... я больше не люблю его. И, вероятно, никогда не любила. Не любила так, как та, с кем он сейчас. Становится легко, будто снова семнадцать, и впереди еще много счастливых лет, и я еще могу встретить такую любовь, о которой пишут в хороших книгах, и такую, какую хотела создать с ним. А теперь понимаю – в этом и была моя ошибка. Не стоило его держать. Идея не в том, чтобы быть счастливой с кем-то конкретным. А в том, чтобы быть счастливой. С тем, кто тоже хочет быть с тобой. Не с такой «тобой», в которую ему верить приятно. А с такой, какую он может и хочет в тебе разглядеть. Разглядеть сквозь твою усталость, сквозь пыль неудач и потерь. А именно – с тобой настоящей.

Вскакиваю. Свет выключен. Подбегаю к окну, растворяю его. Веет сыростью и прохладой. И дико тянет на улицу! Бегать по лужам, без зонта, или поехать куда-нибудь, сейчас нет пробок, которые я ненавижу, как он верно догадался. Хотя мало кто их любит. Или пойти купаться в одежде... Но это все потом, сейчас важнее другое.

Я знаю, чего хочу! В Москве живет больше двадцати миллионов человек. Да... дурная голова не только ногам, она ничему покоя не дает! Вот я балда! Открываю социальные сети. Сколько ему лет? Сорок? Двадцать пять? И имя ужасно редкое! Просматриваю череду не тех лиц. Час, три, четыре, светает. Зачем убежала тогда?! И... сейчас вдруг понимаю, что ему, возможно, было больно. И мне страшно об этом думать. Лучше бы осталась. Или бы если ничего не было... все сейчас было бы по-другому. Теперь смотрю на прошлое с другой точки зрения. Хочу быть с ним. А его уже нет.

Артем

Он сидел в квартире один. За окном начинался октябрь. Когда так тепло пахнет сухими листьями, они уютно шуршат под ногами, а деревья раскрашены цветами из детской раскраски, и, если небо голубое, а совесть – чиста, жизнь кажется прекрасной. Не обремененный заданиями по институту или работой, Артем не знал, чем заняться сегодня вечером.

Дурные мысли, как ни странно, теперь не сильно беспокоили. С Ромой общаться он перестал. Лишь изредка и случайно пересекались в институте. Девушку найти не удалось, хотя Саша не прекращала попытки. И Артем тоже размещал в интернете объявления об аварии, но откликов не было. Убедить Артема пойти в полицию Саше не удалось. Зато она уговорила его внести огромную сумму на благотворительность, чтобы сделать что-то для множества других людей, ведь так можно если и не исправить то, что натворил, то хотя бы увеличить количество происходящего на Земле добра, от чего на душе точно станет легче. Правда, Артему особенно легче не стало. Так как деньги были папины и получить их не составило большого труда. Но все же. Портрет поместили в новую рамку. Жизнь продолжалась.

Было скучно.

Саша ушла к подруге. О Ксюше никто пока не разболтал, значит, может, и обойдется. А эта подруга, у которой Сашка сейчас, точно не знает, это та самая Валерия, которая во время вечеринок находилась на Алтае, так что все хорошо.

Он сидел на кухне и бездумно переключал каналы по телевизору. Задерживался на клипах по MTV. В раковине и на столе дремала забытая грязная посуда. В углу на полу притаилась пыль. Сашу уборка никогда не интересовала. Занятая творчеством, учебой, рисовкой одежды, посещением и участием в выставках, книгами, встречами, вечеринками, новыми знакомствами, старыми фильмами в кинотеатре «Родина», куда он ни за что бы с ней не пошел, полностью погруженная внутрь своей чужой, непонятной ему жизни, она просто не замечала неинтересных ей вещей. Тем более, они не жили вместе. Хотя она частенько приходила в гости...

Артем же был безнадежно ленив. Питался он в основном в ближайшем кафе или покупал что-то готовое домой. Цели в жизни у него не имелось. Поэтому свободного времени было в избытке. Времени, которое некуда было деть. Он бы нашел себе еще девушку, но пока боялся лишний раз вызывать подозрения Саши, а ею он дорожил. Она вытащила его из того ужаса, в который превратилось его существование в ту страшную субботу. И как? Просто поговорила искренне. И когда он перестал винить всех и каждого в случившемся и при этом умудрился не скатиться до обвинения себя, что тоже было бы не лучше, ему стало значительно легче. И те действия, которые он предпринимал, чтобы найти ту девушку, были словно бальзам. Но от скуки это не спасало. Просто раньше у него был Рома, с которым они выдумывали разные дела, ходили по клубам, знакомились с «телками», ну, и все остальное...

Слетать, что ли, в Лондон? В Париж? В Нью-Йорк? В ЛА? В Лос-Анджелесе сейчас хорошо. Не так отвратительно жарко, как летом, будто попал к черту в жопу, хотя, океан, конечно, это немного извиняет. Белки там бегают по дорогам, и сосновые шишки – вот ТАКИЕ. А из стиральных машинок достают уже сухое белье... Только чего он там не видел? В принципе, можно еще куда-нибудь, Земля же большая, но это нужно придумывать, куда лететь, заказывать билеты, собирать чемодан, а так лень...

Звонок телефона. Вдруг что-то интересное?

– Да.

– Приветик! Это Лиза. Извини, что отвлекаю, знаю, ты занят, но, может, придешь? Мы опять у Дины собираемся. Рома будет. Я подумала, даже если ты работаешь, все равно позвоню, приглашу, а то неудобно как-то не позвать.

– Лиза, да, я занят, но я приду, отодвину все дела и приду! – обрадовался он.

Конечно, мысль о встрече с бывшим другом кольнула, причем придется же делать вид, что все в порядке. Перед другими.

«Саши там быть не должно. Она у подруги. И если бы они собирались на вечеринку, она бы мне сказала. Все в порядке. Не сидеть же в этом склепе», – размышлял Артем, размазывая по лицу пену для бритья.

Через двадцать минут он, сверкая лакированными белыми ботинками с вытянутыми носами и часами как у того патриарха, уже приближался к «бентли». Поверх белой футболки за триста баксов был небрежно повязан бежевый свитер. Брючки модные, светленькие. Красота неземная... Пустота в блестящей обертке.

Доехал без происшествий. Заглянул по пути в магазин. Оранжевый вечер угасал. Длинные тени покрыли асфальт с окнами в небо. Сырость и тьма парадной – лампочку так и не ввернули – сменились теплом и полумраком уже знакомой квартиры на «Ваське». Сигаретный дым мешался с запахами ароматических палочек, сваренного кофе и воска. И чьи-то духи робко втиснулись в эту компанию. Новые люди машут и улыбаются, Дина в темно-синем идет навстречу. Чьи-то приветствия – всех не запомнил с прошлого раза. Громкий смех в гостиной; дреды, серьги, тату, нежный звук фортепиано, гора обуви в коридоре. И опять – то же чувство, будто в другой мир приотворили дверь, там иные правила, ценности, мечты, идеалы. Там и тебя видят другим. Запахи, звуки, улыбки – все новое, непривычное. Это как – взять Сашу, возвести в степень, умножить саму на себя, добавить к каждой столько же индивидуальных черт и талантов и выбросить все это разом в произвольном порядке в космос. Кто-то поет в дальней комнате, протяжно, высокими нотами. Пальцы лениво перебирают струны гитары. Фортепиано замолкает, сменяется знакомыми протяжными звуками, и становится интересно жить, и ждешь чудес.

– Артем, привет! – из хаоса возникает женское лицо. Как же ее зовут? Там еще была какая-то особенность... и он боялся... на футболке Снусмумрик. Нет, уже не вспомнить.

– Привет! – отвечает.

Девушка исчезает в одной из комнат.

– Дорогой Артем, хорошо, что выбрал время прийти. Чудесно выглядишь! – Дина целует в щеку. – Почему без Ксении?

– Да так... расстались.

– Бывает. Найдешь лучше. Чай? Кофе? Покрепче? Проходи, располагайся. Там, – указывает в конец коридора, и серебряные браслеты светятся в полумраке дизайнерской напольной лампы, – поет Олеся, тут – кальян, – улыбается, – здесь Джая из Зимбабве с барабанами, ты его должен помнить. В гостиной уже поставили *Muse*, Марк скоро придет. Еда – на кухне. Спасибо за вкусненькое, – берет пакет. – Сейчас позову твоих друзей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.